

ВІБЛІОТЕКА ІГНАТІАНА
Богословие, Духовность, Наука

Х. У. ФОН БАЛЬТАЗАР

СЕРДЦЕ
МИРА

Ханс Урс фон Бальтазар
Сердце мира
Серия «Bibliotheca Ignatiana.
Богословие, Духовность, Наука»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11286761

Сердце мира: Институт философии, теологии и истории св. Фомы;

Москва; 2006

ISBN 5-94242-029-7

Аннотация

«С того лета, когда на берегах озера в моих родных краях я написал эту книгу, прошло уже почти пятьдесят лет. Пожилому человеку трудно судить о том, говорит ли сегодня что-либо и кому-либо лирический стиль этой работы, но духовное содержание книги, которое решило предстать здесь в своих юношеских одеяниях, осталось с течением времени неизменным. Тот, кто чутко вслушивается, способен, как и тогда, расслышать в грохоте нашего мира равномерное биение Сердца – возможно, именно потому, что, чем сильнее мы пытаемся заглушить это биение, тем спокойней, упорнее и вернее оно напоминает о себе. И нашей уверенности в своих силах, и нашей беспомощности оно является как ни с чем не сравнимое единство силы и бессилия –

то единство, которое, в конечном итоге, и есть сущность любви. И эта юношеская работа посвящается прежде всего юношеству...»

Содержание

Предисловие	6
Царство	7
I	7
II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ханс Урс фон Бальтазар

Сердце мира

© Johannes Verlag, Einsiedeln, 2002

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы,

2006

© Б. Карцовник, перевод с немецкого, 2006

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы.

Предисловие

С того лета, когда на берегах озера в моих родных краях я написал эту книгу, прошло уже почти пятьдесят лет. Пожилому человеку трудно судить о том, говорит ли сегодня что-либо и кому-либо лирический стиль этой работы, но духовное содержание книги, которое решило предстать здесь в своих юношеских одеяниях, осталось с течением времени неизменным. Тот, кто чутко вслушивается, способен, как и тогда, слышать в грохоте нашего мира равномерное биение Сердца – возможно, именно потому, что, чем сильнее мы пытаемся заглушить это биение, тем спокойней, упорнее и вернее оно напоминает о себе. И нашей уверенности в своих силах, и нашей беспомощности оно является как ни с чем не сравнимое единство силы и бессилия – то единство, которое, в конечном итоге, и есть сущность любви. И эта юношеская работа посвящается прежде всего юности.

Июнь 1988 г.

Ханс Бальтазар

Царство

I

Плен ограниченности... Как и любое другое существо, человек рождается в плену: душа, тело, мысли, одежда – у всего этого есть свои границы, и все это само по себе тоже служит границей. Все, что нас окружает, делится на некое «то» и некое «это»; они отделены друг от друга и друг с другом не сочетаются. Через зарешеченные окна чувственного восприятия каждый из нас всматривается в чуждый мир, с которым он никогда не сольется. Если бы человеческий дух, подобно птице, смог бы пересечь пространство этого мира, он никогда бы не смог сам стать этим пространством, а линия его полета немедленно бы исчезла, не оставив ни малейших следов. Как велико расстояние от одного живого существа до другого! Даже если оба эти существа любят друг друга и протягивают – каждый с берегов своего острова – друг другу руки, их попытка обменяться своим одиночеством, обмануться в поисках единства обречена на столкновение с невидимой преградой, с холодным стеклом, о которое бьются плененные птицы. Никто не в силах вырваться из своего заточения, никто не знает, кто заточен в соседней темнице. Путь, ведущий от мужчины к женщине, от ребенка к взрослому,

окутан неясностями – даже в большей мере, чем путь, ведущий от человека к миру животных. Живые существа чужды друг другу, даже если они находятся рядом и – подобно краскам, подобно воде и камню, солнцу и туману – дополняют друг друга, вместе порождая полнозвучную гармонию Вселенной: за многообразие приходится платить горькой ценой разделенности. В самом существовании в роли «отдельного» уже заключено отречение. Сияющее зеркало разбито вдребезги, безграничный образ распылен по всему миру, сам же мир – груда осколков. Но каждый из обломков наделен ценностью, от каждого фрагмента исходит сияние, напоминающее о тайне его происхождения, каждая конечная вещь напоминает о вещах бесконечных: это обещание чего-то большего, возможность некоего прорыва; зов этот столь сладок, что в миг, когда он на мгновение напоминает о себе, когда он прорывается сквозь оболочку и предстает свободным от пепельных одежд повседневного, внезапное желание следовать за ним заставляет пульс биться сильнее: перед нами нечто чудесное и безмерно радостное. Печать истоков, лобзание праначала, залог некогда потерянного единства. Однако зерно этого желания всегда остается непостижимым и таинственным; тот, кто попытается его ухватить, остается ни с чем: в его руках оказывается яблоко Адама, а вовсе не плод Древа Жизни, для которого не существует никаких границ. Небесный образ, растворяясь в легком мареве, с грустной улыбкой ускользает. То, что казалось беско-

нечным, вновь оказывается среди голых стен, и оба – ищущий и тот, кого он ищет, – возвращаются в свою тюрьму. И вновь мы стоим друг против друга, частное против частного, и о том, чем мы владеем, мы можем друг другу лишь «сообщить». Никакая сила, никакие слезы не в состоянии разрушить нашу темницу.

Но взгляни: вот оно, парящее, раскачивающееся, непостижимо текущее, вот оно – Время. Невидимая ладья, плывущая от берега к берегу. Крылатая колесница, летящая от одного существа к другому. Войди во Время, и оно тронется в путь, унося тебя неизвестно как, неизвестно куда. Вот оно раскачивается, неподвижная почва колеблется под ним, а дорога оживает, вьется дальше и становится подобной чудному течению бегущей вдаль реки. Берега сменяют друг друга: вот леса, через которые несет тебя Время, вот широкие поля, вот населенные людьми города – течение изменчиво и многообразно. Вот оно несется вдаль с легким шумом, вот оно обрушивается стремительным водопадом и снова замедляет свой бег, впадая в озеро. Теперь его движение незаметно; вдоль берегов вода начинает струиться в обратном направлении, пока тяга из середины потока не придаст ей новых сил.

Пространство холодно и неподвижно, но Время наделено жизнью. Пространство разделяет, Время же соединяет всё со всем. Оно струится не вокруг тебя, как будто ты простая щепка на его поверхности – оно протекает сквозь тебя, ты сам погружен в эту реку. Ты сам эта река. Скорбишь ли ты –

доверься времени: вскоре оно заставит тебя смеяться. Смешься ли ты – это продлится недолго: вскоре смех сменится слезами. Ты переходишь от одного настроения к другому настроению, от одного состояния к другому, от пробуждения ко сну и от сна – вновь к пробуждению. Твои странствия прекратились, ты вновь в состоянии покоя, ты устал и голоден, ты насыщаешься, вновь встаешь и вновь пускаешься в странствие. Ты страдаешь: издалека, еще недостижимое, приближается то свершение, которого ты добиваешься. Но поток несет тебя все дальше и дальше, и вот однажды утром приходит время действовать. Ты чувствуешь себя ребенком и думаешь, что никогда не преодолешь бессилия собственного детства – детства, в четырех стенах которого ты заперт без окон и дверей. Но взгляни – эти стены сами по себе подвижны и изменчивы, и все твое бытие превращает тебя из ребенка в юношу. Из тебя самого исходят ранее скрытые истоки, они растут подобно цветам, они раскрывают перед тобой новые возможности, и вот однажды ты видишь, что мир вокруг тебя стал взрослым. Время мягко перемещает тебя от одной округлой линии к другой, и по мере твоего движения перед тобой возникают новые перспективы и горизонты: ты начинаешь любить превращения, ты предвкушаешь немислимые приключения. Ты угадываешь направление, ты чувствуешь, что приближается отплытие и ощущаешь запах моря. И ты видишь: то, что меняется в тебе, меняется и во всем, что тебя окружает; каждая точка, которую ты в спешке

пересекаешь, сама находится в движении. Она стремительно сдвигается, и при этом неизвестно куда; в ней свершается ее собственная долгая история, и конечная цель этой истории неведома ей самой. Ты смотришь в ночное небо: величественно вращаются звезды; как виноградными гроздьями, они окружены планетами. Звезды движутся в какую-то заранее им уготованную даль, в неизведанные пространства. Ты разлагаешь атомы, и они приходят в хаотичное движение, как муравьи в потревоженном муравейнике. Ты ищешь постоянства и твердых законов на земле, но и здесь все – лишь происходящее, лишь история, и никому не ведомо, какими будут облака на будущей неделе.

Но закон все же существует – это таинственный закон изменения, который может познать лишь тот, кто изменяется сам. Ты не можешь вытащить реку на берег, чтобы исследовать ее как рыбу, чтобы понять те правила, по которым она движется. И ты сам можешь научиться плавать, лишь находясь в воде. Мудрые рода человеческого пытаются познать основу бытия, но не могут ничего иного, как только лишь описать одну из волн потока. На созданной ими картине течение застыло; подлинным оно станет лишь тогда, когда будет вновь отпущено в странствие. Многие предприняли эти жаждающие, чтобы сдержать поток; следуя придуманной ими системе, бросая в воду камни, они думали создать Остров Вечности; сердца их раздувались подобно воздушному шару – в надежде ухватить вечность в миг единого блаженного

«Сейчас». Но ухватили лишь воздух, разорвались на части или – околдованные некоей вымышленной идеей – вообще позабыли жить, и поток двинулся дальше, омывая их останки. Нет, закон заключен в реке, и познать его можно лишь в движении. Совершенство заключено в свершении движущегося. Никогда не думай, что ты «достиг». Забудь то, что осталось позади. Тянись к тому, что перед тобою. В превращениях, в которых ты теряешь некогда тобою схваченное, ты наконец-то превратишься в то, по чему ты тосковал и чего ты жаждал.

Доверься Времени. Время – это музыка; пространство, в котором эта музыка раздается, есть грядущее. Симфония сочиняет саму себя, такт за тактом, и в своем самосозидании черпает из неисчерпаемых запасов Времени. Пространства часто не хватает: слишком мало камня для того, чтобы изваять статую, и городская площадь не вмещает всех собравшихся. Но когда не хватало Времени? Когда было так, что оно исчезло, как ускользнувшая, слишком короткая нить? Время столь длительно, сколь длительна благодать. Предоставь себя благодати Времени. Ты не можешь прервать музыку, чтобы поймать и стреножить ее; дай ей струиться, дай ей улететь – иначе ты не сможешь постичь ее. Ты не можешь свернуть ее в одно чарующее созвучие, чтобы овладеть ею раз и навсегда. Терпение – вот первая добродетель того, кто хочет слышать. Вторая добродетель – отречение. Ибо – смотри – ты можешь постичь размах мелодии не раньше, чем про-

звучит ее последний тон. Лишь теперь, когда музыка отзвучала, ты в состоянии охватить все ее таинственные колебания, все сопряженные между собою арки, все соотнесенные друг с другом округлые линии. Лишь то, что достигло уха, проникает в сердце. И все же, и все же: ты не можешь – неким невидимым образом – ухватить в единстве Духа что-либо, что ты не пережил чувственным образом в многообразии чувств. Над временным есть вечное, оно посеяно и собрано им – но оно воплощает себя лишь в переменах Времени.

Что мы за странные существа! Мы растем лишь тогда, когда брошены в поток преходящего. Мы можем созреть и обогащаться лишь ценой непрерывного отречения от текущего часа в пользу следующего. Мы должны длиться в длительности. Там, где мы пытаемся остановиться, мы нарушаем жизненно важный закон природы. Когда мы не можем вытерпеть существования во времени, мы впадаем в ничто. Когда мы шагаем вперед, мы слышим голос ветра, веющего навстречу, но остановившись, чтобы расслышать его получше, мы не слышим уже ничего. Время – это и грозное предупреждение, и небывалое обетование: «Дай увести себя, иначе ты не сможешь идти со мной! Дай увести себя, покажи свои пустые ладони, иначе я не смогу их наполнить, иначе я пройду мимо тебя с моими нежданнами дарами и оставлю тебя с твоими ветхими пожитками. Поверь мне: ты разбогатеешь лишь тогда, когда откажешься от своей удачи, ко-

гда прервешь час своего торжества; разбогатеешь, если сможешь стать бедным, но доступным для всех – стать нищим у врат грядущего. Не сдерживай себя, не связывай себя, не скрепляй себя! Ты не можешь копить Время впрок, учишь у него расточительности! Расточи то, что в противном случае другой отберет у тебя силой. И тогда ты, жалкий и ограбленный, будешь богаче королей. Время – это школа порыва, это школа великодушия».

Время – великая школа любви. Если время – основа нашего существования, то это означает, что основа нашего существования – любовь. Время есть льющееся существование; любовь есть изливающаяся в себя жизнь. Время – это незащитное, отчужденное и необусловленное существование. Любовь отчуждает себя самое и добровольно позволяет себя разоружить. Существование не может ничего иного – таков его закон и такова его сущность, – как только лишь проявлять свою любовь. И, таким образом, ничто не мешает ему самому быть любовью. Мы должны быть терпеливы, даже если мы умираем от нетерпения, ибо никто из нас не в состоянии прибавить себе росту хотя бы на пядь, разве что мы будем расти – расти вместе со Временем. Дрожа от скудости, мы должны отрешиться от того, что нам принадлежит, ибо смертоносное Время спокойно даст соскользнуть нашим пальцам, и сокровища, накопленные нами, уйдут под землю. Тому, чему насильственно научит нас наш последний миг, может научить – при этом мягко и без принуждения –

любое другое мгновение нашей жизни: мы должны осознать тайну длительности Времени в качестве сладчайшей основы нашей жизни, осознать ее как предложение неустанной любви. Странно: нам позволено быть тем, к чему мы тщетно стремимся. Самим нашим существованием мы можем осуществить то, чего нам болезненно недостает в сфере нашего знания и наших желаний. Мы хотим самоотречения – и вот, оно дано нам. Мы ищем того, которому мы хотели бы принести себя в жертву – и оказывается, что наша жертва давно принята. И если сердце начинает усиленно биться при мысли о тщетности прожитого нами, то это не что иное, как страх невесты в свадебную ночь перед снятием последних покрывал.

Мы задуманы таким образом, что нам позволено охотно делать то, чего мы делать не хотим. Что может быть блаженнее, какая мысль может быть притягательнее: сам факт нашего существования есть дело любви! И я напрасно стал бы бороться за то, чтобы не быть тем, кем я уже являюсь. И даже если я стану кричать: «Нет! – кричать, напрягая гортань в полную силу, – Нет!» – то в последнем, отдаленном углу пещеры предательское эхо откликнется: «Да! – произнесет оно, – Да!» Если, после нескольких попыток умереть, мы умираем в последний раз, в этом акте высшей жизни прекращает умирать наше существование. Смертельно лишь одно: быть живым и не хотеть умирать. Каждая охотно умершая смерть есть источник жизни. Чаша любви – смесь жизни и

смерти. Чудом является то, что мы *не* любим: любовь – это водяной знак на пергаменте нашего существования. Мелодии любви следуют органы нашего тела. Тот, кто любит, повинуется жизни, протекающей во времени; тот, кто отказывается любить, борется с течением, и при этом тщетно. Как легко нам дается жест дарящего, когда золотая вода Бытия протекает сквозь нас, как через жерло источника! Как легко самоотречение, когда нас омывает богатство неисчерпаемо изливающегося на нас грядущего! Как легка верность, когда неверное Время надевает нам на палец свое неотторжимое кольцо! Как легка смерть, когда мы ежечасно узнаем, сколь блажен, сколь привлекателен уход! И даже старение – то, чего мы больше всего боимся, то, что связывает и ограничивает нас – взамен окружающего нас тумана дарует нам внутреннюю ясность бедности. Наше существование лишено трагизма, ибо всякий раз, когда мы от чего-либо отказываемся, мы получаем в награду нечто неизмеримо большее; чем ближе человек к абсолютному центру полной бедности, тем глубже становится его владение самим собой, тем надежнее возможность обладания всем тем, что его окружает.

И таким образом, мы можем быть тем, чем мы хотели бы быть. В таинственных водах Времени, в тех водах, которыми мы омываем себя и которые суть мы сами, в этой влаге Бытия растворяется и преодолевает себя то чувство сопротивления, что так глубоко укоренилось в наших сердцах. Под вопросом лишь то, что закреплено и непрозрачно – жесткость, проти-

востоящая каждому духу, каждому оку. Но око обнажено, а дух наделен способностью светиться сквозь преграду, и вот лучи его проникают насквозь и рассеивают упорство. В то время как мы надеваем на себя покров за покровом, стараясь этой броней отгородиться от неумолимых велений жизни, из наших внутренних глубин пробивается источник, который размывает воздвигнутые нами стены и сносит наши самые прочные крепости. Никто не в силах сопротивляться непрестанному натиску этих волн; день за днем они изматывают нас, песчинка за песчинкой размывают наши опустошенные берега, и в конце концов мы падаем от бессилия. Со временем даже глупейший из нас начинает понимать, что такое Время. Время вторгается в человека и стелет себе в нем свое ложе, оно растирает его своими жерновами – подобно тому, как точит камни поток водопада.

Так ты постигаешь Время, а оно посвящает тебя в свою глубочайшую тайну. В его движении, в его приближении и удалении, ты начинаешь чувствовать ритм. В облике грядущего оно приближается к тебе, переполняет тебя, одаривает тебя сверх всякой меры, но в то же время и грабит тебя, требуя от тебя всего, что у тебя есть. Оно хочет, чтобы ты был одновременно богатым и бедным, все время богаче и беднее. Оно хочет, чтобы ты сильнее любил. И если ты последуешь законам и заповедям своей собственной сути и полностью станешь самим собою, ты будешь жить лишь этим пришедшим к тебе даром (дар этот – ты сам), и в святости вернешь

этот дар, ни в малой мере не сделав его принадлежащим тебе. Твоя жизнь будет одним сплошным дыханием, в спокойном-бессознательном движении легких от вдоха к выдоху и обратно. И ты сам станешь воздухом, вдыхаемым и выдыхаемым в чередовании приливов и отливов. Ты станешь кровью в биении сердца, которое будет втягивать тебя и выталкивать, которое пленит тебя в колдовском сплетении своих жил.

Ты чувствуешь Время, но не чувствуешь этого сердца? Ты чувствуешь поток благодати – теплый, алый поток – который обрушивается на тебя, и не чувствуешь, что ты любим? Ты ищешь доказательства – однако ты сам это доказательство. Ты пытаешься уловить его, это Неизвестное, в снасти твоего знания – и вот, ты сам пойман неотвратимой сетью его мощи. Ты пытаешься постичь – но ты сам уже постигнут. Ты пытаешься одолеть – но тебя самого уже одолели. Ты думаешь, что ищешь – но тебя самого давно и навсегда нашли. Ты ощупываешь себя, пытаясь сквозь тысячи покровов нащупать свое живое тело – и думаешь при этом, что не чувствуешь руки, что, проникнув насквозь, касается твоей обнаженной души? Ты мечешься в горячке твоего беспокойного сердца и называешь это религией, но в действительности это судороги рыбы, выброшенной на палубу корабля. Ты хотел бы найти Бога, пускай даже ценой несчетных скорбей – и вот, что за поражение! – все содеянное тобою оказалось тщетным, ибо Бог уже давно держит тебя в своих ладонях.

Нашурай своими пальцами живой пульс Бытия. Почувствуй Биение, которое в едином и неповторимом акте творения одновременно требует тебя и делает тебя свободным. Биение, которое в неимоверном излинии существования определяет собою точную меру и точное расстояние: каким именно образом ты должен любить Его как Ближнего и как ты должен склониться перед Ним как перед Всевышним; как это Биение одним и тем же движением одевает тебя из любви к тебе, и из любви к тебе тебя обнажает; как – вместе с даром существования – Оно вкладывает в твои ладони бесценные сокровища, и среди них – самое бесценное: возможность ответной любви к Нему, возможность одарить Его Его же дарами; и, наконец, как Оно же отбирает у тебя эти дары (отбирает не сразу, следующим движением, во время следующего шага) – отбирает, чтобы ты любил не дар, но Дарящего, чтобы ты знал, что даже в дарении ты – лишь одна из волн Его потока. В один и тот же миг существования ты и близко, и далеко; перед тобой в равной мере и твой друг, и твой хозяин, ты в равной мере и дитя, и слуга. Это – самое первичное – никогда не будет преодолено тобою. Ты будешь жить в вечности тем, кем уже был. И даже если твоя добродетель, твоя мудрость, твоя любовь неимоверно возрастут, даже если ты превзойдешь людей и ангелов и вознесешься превыше небес, даже тогда ты не покинешь своей исходной точки. Но как блаженно это самое первичное! Двигаясь вдоль изогнутой линии развития, ты все время будешь соскальзывать на-

зад, к этому исходному чуду – ибо непостижимо и прекрасно бытие любви.

Но жизнь все-таки стремится уйти от своих истоков; она ищет себя самое, она надеется найти себя там, где она укрыта от опасностей, возникших при самом ее появлении. Слишком незащищено ее семя, требующее прочной оболочки, и момент зачатия еще не столь далек от небытия. Но, повинаясь железному закону, все векторные линии возвращаются в пределы своего круга. Жизнь пробуждается, тонкой и протяженной аркой изгибаясь по направлению к себе самой, пытаясь закрепиться на вершине горного хребта. Кровь пробивает себе дорогу через узкие врата возникающей во всей своей неповторимости жизни, она дарует живому существу сердце и мозг, и это существо гордо простирает руки, как будто бы ему самому принадлежит честь сотворения того, что на самом деле пришло к нему издалека, от его рода и от неведомых ему корней. И в то время, как для других солнце лишь начинает свой восход, дорога идет под уклон и опускается в прохладу послеполуденных лесов, где вновь возникает невнятное бормотание – вначале это небольшой ручей, в котором струятся почти исчезнувшие воспоминания минувших дней, но затем постепенно пробуждается неодолимая тяга к прежним временам, просыпаются предчувствия, любовь пересиливает все, и неожиданно, в одно мгновение, водопад обрушивается в бездну – в ночь Изначального. Вся совокупность «отдельного» бытия исчезает, исчезает подобно от-

дельным речным потокам в Едином Океане жизни и смерти. В этом Едином Океане вздымаются и падают волны, плоть бьется о плоть, и все лики и поколения, в том смирении, что не знает себе равных, столетие за столетием, обрушиваются пеной на бескрайние побережья Вечности.

В этом значение нашей жизни: мы должны осознанно доказать, что мы – не Бог. Мы умираем ради Бога, ибо Бог есть вечная жизнь; как мы можем коснуться ее, если не через смерть? Смерть – залог нашей жизни, залог того, что мы соприкасаемся со Сверхжизненным. Смерть – форма преклонения, обряд проскинезы перед тронем Творца. И поскольку внутренняя сущность творения заключена в приносимых Творцу хвале, служении и благоговении, в каждое мгновение бытия примешана капля смерти. А поскольку Время и Любовь сплетены между собою, они любят в том числе и смерть, и сущность их не стремится избежать исчезновения. И даже если эта малая жизнь охвачена страхом, если темное своеволие ее противится смерти, то существование как таковое – погружение в пучины, опускающее жизнь вниз и вновь поднимающее ее – знает своего Хозяина и охотно склоняется перед Ним. Склоняется, ибо предчувствует: осень наступает лишь затем, чтобы подготовить приход весны, а добровольно переносит засуху лишь то в этом мире, что возвещает грядущее его цветение в Боге.

Так творение умирает ради Бога и воскресает ради Него. Мы восторженно стремимся к свету, мы тянемся к нему,

рискуя упасть; но огонь, к которому никому не дано приблизиться, удерживает нас от падения. Мы попадаем в пламя, мы опалены им, но оно не убивает, оно становится светом и горит в нас любовью. Это любовь, которой ведомы глубины, любовь, живущая в нас, данная нам как средоточие нас самих, любовь, которой мы живем и от которой питаемся, которая поддерживает нас в пути, любовь, что окутывает нас подобно мантии и использует нашу душу как свой инструмент. И мы – уже не мы: это Господь в нас, Который близок так, что ближе быть уже невозможно, и в этой любви возникает преклонение, властно опускающее нас на колени, бросающее нас в пыль ничтожества. Сердце любви бьется сильнее, его гул протяжнее времени. Его пульсация объединяет двоицу в одном и делит единое надвое. Так протекает наша жизнь в Боге: Он силой вовлекает нас в Свои пылающие недра и властью Своею отрывает нас от тех центров притяжения, что чужды Ему. Но мы – это не Бог; чтобы еще сильнее явить нам силу Своего естества, Он отбрасывает нас от Себя – отбрасывает, не оставляя в одиночестве и бессилии, но – в полноте и силе Своего достоинства – одаряя нас нашим собственным естеством. Бог ревниво призывает нас к Себе, мы нужны Ему ради Него Самого и ради Его собственного достоинства. Но, живущий любовью и преисполненный полнотой достоинства, Он посылает нас обратно в мир. Ибо уход от Бога и возвращение к Нему – к Тому, из Которого все проистекает – все это не предусмотрено ритмом Его

творения. И то, и другое едино и делимо, исход не менее важен, чем возвращение, а служение не менее благодатно, чем тоска по Богу. В исхождении от Бога, возможно, больше «божественного», чем в возвращении к Нему, ибо наиболее важно не то, что мы познаем Бога, отражая Его свет подобно поблескивающему зеркалу, но – подобно пылающему факелу – являем этот свет. «Я – Свет миру, – говорит Бог, – и без Меня вы не можете сделать ничего. Но и вы – свет миру, неясный свет, однако свет неложный, свет, зажженный от Моего пламени, и вы должны воспламенить мир огнем Моим. Идите во внешнюю тьму, несите Мою любовь, как агнцы перед волками, несите Мое послание сидящим во тьме и в тени смертной. Идите, выйдите прочь из защищенного укрытия; некогда Я принес вас домой – Вас, заблудших овец, истекавших кровью в терновнике, принес на плечах Доброго Пастыря. Ныне же стадо рассеяно и ворота овчарни распахнуты – ныне час вашего посланничества. Прочь – и отдалитесь от Меня, ибо Я с вами до скончания мира. Ибо Я Сам ушел от Отца и, уйдя, был послушен вплоть до смерти, и в послушании стал совершенным образом Его любви ко Мне. Уход сам по себе уже есть любовь, уход сам по себе уже есть возвращение. Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Удаляясь от Меня, как луч удаляется от солнца, как поток от источника, вы остаетесь во Мне, ибо Я Сам есмь сверкающий луч, Я Сам есмь поток, изливающийся от Отца. Отдавать – блаженнее, чем принимать. Как Я излучаю Отца, так

и вы должны излучать Меня. Обратите лица ваши ко Мне, чтобы Я мог обратить их к миру. Вы должны оставить пути ваши, чтобы Я вас направил на тот путь, что есмь Я Сам».

В этом – новая тайна, непостижимая для малых мира сего: даже удаленность от Бога и благоговейный холод есть образ и подобие Бога и Божественной жизни. Предельно непостижимое становится подлинной реальностью: именно в том, что ты не-Бог, ты подобен Богу. Именно тогда, когда ты вне Бога, ты в Боге. Ибо это именно так: бытие-противопоставленное-Богу божественно само по себе. Несопоставимостью твоего «Я» ты отражаешь единственность твоего Бога. Ибо в самом единстве Бога заключены отстраненность, отраженность и предвечное посланничество. Отец и Сын противопоставлены друг другу, и тем не менее едины в Духе и по Своей природе, печать которой скрепляет Троику воедино. Бог есть не только Первообраз, но и Подобие, и отраженный Образ. Не только Единство есть нечто непреходящее: божественно и пребывание Вдвоем, когда это пребывание объединяется Третьим. Поэтому и мир был сотворен во Втором, и поэтому же он поддерживается Третьим.

Но покуда вечный Образ скрыт покровом, смысл Творения остается непроясненным. Жизнь была бы просто судьбой, время – лишь печалью, любовь – лишь чем-то преходящим, если бы в вечной Троицкой жизни не бился бы пульс бытия. Лишь при этом даже из нас самих начинает пробиваться источник жизни, лишь тогда он начинает рассказы-

вать нам о Слове и, сам становясь языком и Словом, переда-
ет нам – как Божественное приветствие – то, что мы долж-
ны возвестить миру Отца. Лишь тогда снимается прокля-
тие одиночества – снимается, поскольку бытие-в-противопо-
ставлении само по себе божественно, а все сущее – мужчи-
на и женщина, зверь и камень – в своем обособленном бы-
тии не обособлены от всеобъемлющей жизни, но напротив –
слиты в ней воедино; они не заперты более в темном плену,
откуда гнетущая тоска гонит их навстречу беспредельному;
нет, они посланники Бога, и в Его божественном стремлении
к расширению границ они соединены в едином Теле, Глава
Которого покоится на Отчем лоне.

Бейся же, бейся, Сердце бытия, бейся, пульс Времени!
Трудись, орудие вечной Любви... Ты обогащаешь нас и
вновь обедняешь. Ты притягиваешь нас к себе, и вновь от-
торгаешь. Мы же, раскачиваясь на Твоих волнах, привяза-
ны к Тебе навсегда. В величии Своем, Ты бурей проносишь-
ся над нами; в Своем безмолвии Ты показываешь нам Свои
звезды; Ты переполняешь нас до края и опустошаешь до пре-
дела. Но в буре и в безмолвии, в полноте и опустошении, Ты
– Господь наш, и мы – слуги Твои.

II

Он пришел в мир, пришел, наделенный мудростью и знанием Отца, одаренный всеми сокровищами Его бездны, пришел как Выражение Невыразимого. В начале Он – Слово. Отверзнув уста и начав говорить миру об Отце, Он тем самым начал говорить и о Себе Самом, ибо Он – живое Слово, Произносящий и Произносимое одновременно. Он пришел в мир, чтобы открыть Себя как Откровение Отца, и поскольку в это откровение было вложено все Им с собою принесенное, весь смысл Его существования, поскольку Он не хотел быть ничем иным, как только лишь зеркалом Отца и окном в Отчий мир, постольку Его воля, Его сущность совпали с волей и сущностью Отца, и это единение было Духом Святым. Итак, триединым было свершенное, триединым был смысл Откровения, и Троица приняла в Себя сердцевину и сущность всякой истины, цель и источник всех вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.